

«Олени» выходят на связь

Первого октября, как помнят читатели, в Центре подготовки космонавтов приступили к занятиям журналисты, устремленные в космос. Александр Андрюшков, Валерий Бабердин, Юрий Крикун, Павел Мухортов, Светлана Омельченко, Валерий Шаров уже прошли ряд экзаменов и зачетов. Каникул у них еще не было. Продолжаем их коллективную лепетку тернистого пути к звездам. У нас на связи — учебный экипаж с псевдонимом «Олень».

— Главное—следите за радией и постоянно помните про CO₂,— напутствует нас на прощание Виктор Шалимов.

Я принимаю из рук капитана II ранга маленький серый прямоугольник, которому в течение следующих 48 часов предстоит быть единственной ниточкой, связывающей нас с «большой землей». Потом, приподнявшись, беру за «колесо» люка.

За триста метров снежно-ледяной пустоты спряталась «Заря», ставшая в эти дни нашим первым ЦУПом. Ледяное дыхание Арктики тут же ласково обхватывает миллиметровые стенки лежащего на боку спускаемого аппарата, пытаюсь поскорее прорваться под стальную оболочку, где, как зернышки в скорлупе, мы спрятались от лютого мороза, который для этих заполненных широт почти игрушечный — лишь минус 32. Правда, еще и при ветре 12 метров в секунду.

У нас в отсеке еще плюс 25. Именно столько, сколько «набегает» в корабле после его прохождения через плотные слои атмосферы. Мы, увы, спустились не с небес, а «прилетели» к спускаемому аппарату на взезде. Специалисты Центра подготовки космонавтов привезли нас в Воркуту, чтобы обеспечить максимум «нештатности».

Сразу вспомнились такие посадки, начиная с Алексея Леонова, которому выпала честь не только первому выйти в открытый космос, но и «рухнуть» вместе с Павлом Беляевым в непроходимый снег Архангельской области. Потом были Макаров и Лазарев, Зудов и Рождественский, Березовой и Лебедев... Нештатное приземление, авария при выведении ракеты-носителя, первое и, к счастью, пока последнее у нас приводнение, низкая облачность, пурга после 211 суток космического полета, когда даже вертолетам пробиться к экипажу не просто...

Все это, к счастью, благополучно обошлось. Потому-то специалистов отдела выживания ЦПК во главе с полковником Евгением Николаевичем Хлудеевым вспоминают добрым словом все космонавты. Ведь занятия с ними в ледяной Арктике или обжигающей жаром пустыне, в горах и на море — залог того, чтобы выстоять, случись что-то неожиданное. И сейчас, на 67-й параллели, нам моделируют один из таких сюрпризов в условиях Крайнего Севера.

Восьмикилограммовые скафандры, носящие гордое имя «Сокол», никак не желают слезать с наших плеч, жадно обхватив резиновыми тисками тело.

Но как бы тебе ни было жарко, как бы ни затекли ноги, ты — член экипажа, а значит, в первую очередь думай о своем товарище. Я вжимаю спиной в крышку люка, освобождая максимальный объем для Валерия Шарова, который в этом «полете» становится моим командиром как старший по возрасту на целое десятилетие. Мы уживаемся, думаю, не хуже, чем в профилактории Звездного, в уютном номере 33, где когда-то обитал нынешний директор НАСА Ричард Трули. Интересно, как бы ему понравилось здесь?

Помогаю снять Валере скафандр, и сейчас уже командиру придется потрудиться, освобождая меня из гермоплена аккуратно и быстро, как терпеливо учил, показывая раз за разом во время занятий по комплексу систем жизнеобеспечения, Виктор Федорович Бондаренко.

Ставив свои «шкурты», тут же

утепляем ими жилище, в которое из-под стенки парашютного контейнера к нам уже просится третьим членом экипажа сам Дед Мороз. Пока мы его не пустим и, вытащив фонарик, с надеждой взглянем на часы. Сколько там пролетело — час-два? Мы взглянем на часы, а потом друг на друга, и вновь уткнемся в циферблат. Нет... нет. Просто быть не может. Коварная минутная стрелка отсчитала всего лишь первые 9 минут нашей двухсуточной космической одиссеи, из которой ближайшие

сон. Валера с готовностью оставляет мне возможность сложиться пополам на дне аппарата. Это тоже «привилегия» командира — не только первому снять скафандр, но и заботиться о своем личном составе. Не знаю, выстоял бы я или нет, но эти двадцать пять минут сна буквально вернули к жизни. А в три часа ночи мы читаем друг другу стихи, стараясь забыть про остановившееся время.

...Часы плачут «семь», выпустив нас в сереющий рядом расцвет, где можно разогнуть ноги и, достав мачете, вырубить в плотном насте первые кирпичи своего будущего снежного дома.

Мы работаем не спеша, иногда по очереди, снежных дел мастера, ни на секунду не забывая о напутствии Хлудеева: «Не дай бог вспотеть — быть беде!» Углубляемся в наст сантиметров на восемьдесят... Кирпичи ложатся ровными рядами, укрепляя наше убежище.

— Мало, крепите еще, — настоятельно требует, проверяя работу, Виктор Шалимов.

— Ай!
— Не ай, а крепите!
Он сам берет мачете и рубит 2—3 огромных куска-кирпича снега.

— Вот такими нужно все обложить еще два раза.

Мы недовольны. Наше жилище кажется нам вполне крепким, и все же приходится подчиниться, начиная по сути все сначала. Но придет ночь, и, когда порывы ветра, ударившись, разобьются о нашу обитель, ни капельки не смутит наш покой, мы мысленно не раз поблагодарим Виктора...

Расстелены парашют и медицинская накидка, натянута крыша, надуты воротники гидрокостюмов «Форель», и впервые за последние 28 часов можно, вытнув ноги, разогреть себе кофе и приготовить космический завтрак. Чернослив с орехами, творог, шоколад — никогда не ели ничего вкуснее.

На дворе — пурга. А здесь, в нашей палатке, мы даже позволяем себе снять шапки и расстегнуть куртки.

— «Олени», «Олени!» Что думаете делать? — вопрошает «Заря».

— Постараемся поспать, а утром приступим к строительству «иглы».

— Добро, — прощается «Заря». — Но завтра за вами еще стрельба со светосигнальными средствами. Все нужно успеть до 12.00.

...Неужели так быстро бежит время?

Юрий КРИКУН.
Режиссер студии «Укртелефильм».

Фото А. Ушанова.

◆ Когда стынут чернила
◆ В одном «люксе» с директором НАСА
◆ Корлункт в снегоубежище

19 часов нам еще предстоит провести спина к спине в кабине спускаемого аппарата. А раз так, думай о будущем экипаже, и пока еще хоть силуэты видны, принимаюся за разборку НАЗа, чтобы в наступающих в 15.00 сумерках даже без фонаря знать, где у тебя лежат куртки, где аптечка, а где вода, о которой нужно заботиться, словно о маленьком ребенке, отдавая самое теплое в корабле место.

...В 16.00 мы надели полетные костюмы, в 17.00 — унты, в 19.00, когда дело подошло к нулю градусам, — теплозащитные комбинезоны. В 24.00, уже всюю постукивая зубами где-то при минус пяти, использовав свое последнее НЗ — шапки-шлемы и куртки ТЗК, первый раз вышли на улицу. Вышли и... обомлели. На небе, у самого горизонта, вспыхивало языками пламени северное сияние.

— Как самочувствие, мужики? — нарушает паузу заполарной ночи отвечающий за нас в эту смену ведущий врач отряда космонавтов Владимир Криволапов. — Замерзли?

Киваем головами — мол, есть немного.

— Нужно согреться. Не стойте. Надо двигаться. Попрыгайте, поприсядьте. Давайте, давайте.

Волея уйдет за свои триста метров, проваливаясь по колено в сугробы, согрев нас не столько советом, сколько человеческим вниманием. Сопереживает, согревая нас, очередных новичков, «ныряющих» в чрево стывающего корабля. Там сейчас уже где-то минус 15...

И все-таки, несмотря на мороз, меня неодолимо клонит в